

Г.О. Портнов

Самарский государственный университет

**ПОЭТИКА ПОРОГА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ВЕЧНЫЙ МУЖ»)**

G. Portnov

Samara State University

**POETICS OF THRESHOLD IN DOSTOEVSKY'S CREATION
(AS EXEMPLIFIED BY THE SHORT STORY
«EVERLASTING HUSBAND»)**

This article is devoted to the most important category of Dostoevsky's creation – threshold. In his worldview threshold makes actual constantly. Moreover in Dostoevsky's texts this category ceases to be part of area and endued by the myth and poetic peculiarities. In this article the category of threshold is regarded as the first key of structure and aesthetics of Dostoevsky's short story «Everlasting husband». The author analyses it on the level of area, time, scheme of heroes and language of the text.

В литературе о творчестве Ф.М. Достоевского исследователями неоднократно отмечалась важность такой категории его поэтики, как «порог». Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, проблема взаимодействия героев с топосом и напряженного осмысления последнего является едва ли не центральной в произведениях Достоевского. Как отмечал М.М. Бахтин, содержащиеся в художественном произведении смыслы актуализируются для читателя только в том случае, если получают «временно-пространственное выражение» [2, с. 406].

Во-вторых, «порог» у писателя является «болевым точкой» топоса, местом наращивания потенциалов в решении «проклятых вопросов». У топологически чуткого к создаваемой им художественной картине мира Достоевского «порог» выходит за рамки пространственного понимания и наделяется мифопоэтическими чертами. Постоянная актуализация этого образа в произведениях автора позволяет говорить о существовании мифопоэтического инварианта «порога», воплощением которого становятся отдельные тексты Ф.М. Достоевского.

Анализируя данную проблему под разными углами зрения, ученые выделяли общие свойства категории «порога». М.М. Бахтин, рассматривая порог как разновидность хронотопа, отмечал, что наравне с хронотопами лестницы, передней и коридора и продолжающих их хронотопами улицы и площади в произведениях писателя он становится центральным местом действия, «где совершаются события кризисов, падений, воскресений, обновлений...» [2, с. 406]. Исследователь далее анализировал порог как философскую категорию, связанную с ситуацией выбора, внутреннего диалога.

В.А. Подорога исследовал категорию порога у Достоевского, делая акцент на телесном аспекте героев его произведений. Последние, по мнению ученого, могут находиться в трех состояниях: допороговом (ситуация ожидания), послепороговом (ситуация катастрофы) и пороговом, несущем в себе черты первого и потенцию второго. Тремя этими пространственными состояниями обусловлено развитие сюжета у Ф.М. Достоевского [4, с. 126–160].

В статье о романе «Преступление и наказание» В.Н. Топоров, описал топологическую иерархию Санкт-Петербурга через оппозицию «срединный» – «периферийный» и рассмотрел «порог» в качестве интенсифицирующего сюжетное действие романа топологического медиатора [6, с. 193–258].

Наиболее глубокому анализу категория «порога» в произведениях Достоевского подверглась в статье Д. Арбан. Исследователь рассматривает данную проблему на уровнях мотива, темы и по-

нения. Категория порога в статье предстает как важнейшая составляющая не только структуры, но и эстетики романа [1, с. 19].

От такого понимания «порога» мы и оттолкнемся, анализируя рассказ «Вечный муж». В этом произведении, на наш взгляд, воплощаются все особенности анализируемой категории.

В рассказе «Вечный муж» категория «порога» реализуется на нескольких уровнях. Прежде всего, в сюжете – на уровне пространства, времени и системы персонажей, а также на лингвистическом уровне.

Пространство

Сюжет произведения построен на неожиданных встречах светского «дон Жуана» Вельчанинова и его антагониста, «вечного мужа» Трусоцкого. Поскольку намерения последнего остаются для Вельчанинова до конца рассказа неясными, каждая их встреча превращается в психологическую дуэль. Вельчанинов пытается выяснить, знает ли Трусоцкий о связи своей жены с противником и если да, то что он намерен делать?

Из 13 встреч героев 12 происходят на «пороговых» пространственных локусах: 5 – на улице («на углу Подьяческой и Мещанской», «при выходе с одного невского парохода», «на противоположном тротуаре улицы», «на перекрестке у мостика через канаву», у входа в бордель); 2 – у входа на кладбище или на пути к нему («на перекрестке у мостика через канаву», возле кладбищенских ворот в «харчевне или распивочной»); 1 – на лестнице Трусоцкого; 1 – на железнодорожной станции; 3 – на пороге дома Вельчанинова. Сталкивая Вельчанинова и Трусоцкого на распутье, Достоевский уподобляет текст «Вечного мужа» мифопоэтическому тексту, интенсифицируя в сюжете произведения архетипические смыслы порога как места, где совершаются решающие события.

Это особенно ясно в сцене первой и последней встречи героев на пороге дома Вельчанинова. Символично, что обе они дублируются сном Вельчанинова, в котором в комнату последнего с *лестницы* вваливается толпа людей и в их числе – незнакомец (позже

окажется, что это и есть Трусоцкий). Достоевский неслучайно переводит эти встречу в сновидческий план: они должны стать ключевыми в жизни героя.

В первый визит Трусоцкого к Вельчанинову происходит узнавание героями друг друга. Ко всему прочему Вельчанинов узнает, что его прежняя любовь, Наталья Васильевна, скончалась от чахотки, а Трусоцкий зачем-то навещает ее прежнего соблазнителя Багаутова. Во вторую встречу, после «проверки», которую устроит Трусоцкий Вельчанинову у себя дома, столкнув последнего с его внебрачной дочерью Лизой, Трусоцкий безуспешно попытается убить противника, но позже сбежит. Наконец, третья встреча произойдет уже после попытки Вельчанинова начать новую жизнь, увезя Лизу на дачу к Погорельцевым. Но девочка, не ведая, кто ее истинный отец и мечтая вернуться к Трусоцкому, погибает. Пройдет немного времени, и герои опять разыграют ситуацию «дон Жуана» и «вечного мужа», теперь уже в комическом ключе: во время сватовства Трусоцкого к 15-летней дочке Захлебниина. Только после того, как между героями «одна могила ляжет», Трусоцкий снова попытается убить Вельчанинова. И в эту встречу герои наконец-то откроются друг другу.

Время

Особую пороговую «динамику» придает рассказу время и связанная с ним символика числа «три». Большинство событий в рассказе происходят с периодичностью, кратной этому числу. Вельчанинов и Трусоцкий встречаются через 9 лет после расставания Вельчанинова с Натальей Васильевной, 3 часа спит Вельчанинов (и видит тот самый пророческий сон) перед столкновением с «вечным мужем», которое произойдет в 3 часа ночи. С марта месяца (то есть третьего месяца от начала года) Вельчанинов тяжело болеет. Три месяца вдовствует Трусоцкий (и терзает Лизу), прежде чем вновь находит невесту.

Трудно объяснить, почему Достоевский выбрал в качестве темпорального маркера именно число «три», но в календарном

времени рассказа оно каждый раз подчеркивает «пороговую» ситуацию.

Есть еще одна особенность, характеризующая время «Вечного мужа» как «пороговое». Сезон, когда происходят главные события произведения – знойное лето. Его жар, духота, пыль часто выступают в произведениях писателя атмосферой, в которой герои решаются на поступки, определяющие их судьбу (ср. Раскольников в «Преступлении и наказании»): «Пыль, духота, белые петербургские ночи, раздражающие нервы, — вот чем наслаждался он в Петербурге» [3, с. 3]. В «Вечном муже» на фоне июльской жары получает свое завершение драма Вельчанинова и Трусоцкого.

Язык

Ситуация «порога» моделируется в рассказе лингвистически – характерными для языка Достоевского лексемами. Описывая происходящее, он использует традиционный для его поэтики набор слов. С одной стороны, они характеризуют события и персонажей как аномальные, уклоняющиеся от нормы. Это наречия «странно», «ужасно» и производные от них прилагательные.

«Странно» часто используется для обозначения нетождественности героя самому себе, например, о Вельчанинове сказано в начале рассказа: «И странно, этот шумливый, веселый и рассеянный всего еще года два тому назад человек <...> ничего так не любил теперь, как оставаться совершенно один» [3, с. 6]. Лексема «странный» выражает и непонятность поступков – «странно посмотрел на него» [3, с. 13], чувств – «почувствовал от этого странное наслаждение» [3, с. 18], психических состояний – «ему снились какие-то странные сны» [3, с. 18]. Имплицитно значение «странно» реализуется в тексте с помощью нанизывания существительных, обозначающих несовместимые человеческие эмоции и создающих неоднозначную характеристику героя. Так, в описании первого сна Вельчанинова указываются такие чувства, как «раздражение», «бешенство», «наслаждение», «ужас», «страдание», «ярость», «страх», которые герой одновременно испытывает.

Сему «странно» усиливают и употребляющиеся в качестве характеристики эмоций наречие «ужасно» и прилагательное «страшный»: «Он был в ужасном нетерпении» [3, с. 42].

В уста своих героев Достоевский вкладывает «странные» речи, допускающие неологизмы, нарушения лексической сочетаемости. «Пьешь собственную грусть и как бы упиваешься ею. И даже не грусть, а именно новостояние-то это и бьет по мне», – восклицает Труссоцкий и сразу же замечает: «Да-с, странно и выражаюсь-с» [3, с. 25].

События и персонажи рассказа оцениваются как непредсказуемые, неуправляемые. Это обозначается выражениями «в этот момент», «в эту минуту», «вдруг», «неожиданно»: «Вельчанинов встал и вдруг громко и совсем неожиданно засмеялся» [8, с. 24]. Порой Достоевский употребляет сходные лексемы, усиливая семантику неожиданности: «Ему неотразимо захотелось вдруг снять крюк, вдруг отворить настежь дверь» [3, с. 21].

Все указанные лингвистические индикаторы создают в тексте рассказа характерное для значения «порога» единое лексико-семантическое поле неопределенности, неоднозначности.

Герои

Замечание исследователя Д. Арбан о том, что каждого из колеблющихся на пороге действия героев Достоевского можно рассматривать «как своего рода порог», «столкновение противоречий» [1, с. 28] представляется нам верным и по отношению к рассказу «Вечный муж». Оба его героя, Вельчанинов и Труссоцкий – клубки психологических противоречий, и именно их распутывание, преодоление внутреннего «порога» составляет основную сюжетную линию рассказа.

Как отмечает Н.Т. Рымарь, «Порог в литературе существует только для сознающего себя и свое положение субъекта, <...> это пауза в жизни, в которой сознание <...> просыпается к активной рефлексии» [5, с. 112].

В такой момент жизни, который условно можно обозначить как рубежный (или пороговый) мы застаем главного героя рассказа Вельчанинова. В Петербурге он находится словно в подвешенном состоянии: днем ведет тяжбу за имение, а ночью его терзают муки совести за бесцельно прожитую жизнь. С этого события рефлексии и начинается действие рассказа. Раздвоенный герой пребывает на грани совершения важного поступка. Встреча с Трусоцким, а затем и знакомство с внебрачным ребенком Лизой только катализирует потребность Вельчанинова преобразиться. Выше уже отмечалось, что Достоевский неоднократно создает в рассказе «пороговые» ситуации, но они никак не разрешаются. Вельчанинов не может преодолеть предписываемую ему Трусоцким роль «дон Жуана», так же, как Трусоцкий навсегда остается в его глазах «вечным мужем». Один жаждет порвать со светским прошлым, второй мучительно борется в глубине души с жаждой мести к тому, кто увел его жену.

Преодоление такого рода психологического «порога» мыслится Достоевским как двусторонний онтологический процесс. Вельчанинов сможет измениться, если его простит и отпустит Трусоцкий. Но последний не делает этого, и герои-двойники снова и снова играют свои роли на даче у Захлебниных и на железнодорожной станции на пути в Одессу. Даже смерть Лизы, ставшей искупительной жертвой Вельчанинова, не спасает героя. «Порог», ситуация которого создается писателем на уровне пространства, времени, системы персонажей и языка рассказа, остается непреодоленным.

Библиографический список:

1. Арбан Д. «Порог» у Достоевского (Тема, мотив и понятие) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: «Наука», 1976. С. 19–29. Т.2.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
3. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1990. Т.8.

4. Подорога В.А. Человек без кожи (материалы к исследованию Достоевского) // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М.: ИФ РАН., 1995. С. 126–160.

5. Рымарь Н.Т. Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках. Самара: Издательство «Самарский университет», 2006. С.108–124.

6. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс – Культура, 1995. С.193–258.